
- Я думаю о вас...

- Который час?

- Уже шестой...

- Ну, шесть часов не каждый может думать

- А, вы об этом? Я же о другом,
прошу меня покорно, извините,
иначе я вовек вам не прощу,
такой уж у меня теперь характер.

Да, я его ко времени меняю.

В вопросе нравов – только конъюктура –

- таков девиз.

Надеюсь, вам понятно.

«Доступно?» - так любил один герой из популярной пьесы говорить.

- Что может быть доступнее вопроса
с риторикой? Пожалуй, только то,
что за любой риторикой стоит –
банальность, друг мой, пошлость или похоть
и что-нибудь такое же на «по».

Поверхность тела вашего гладка,
а сердце дрябло, печень – никуда,
собакам даже в пищу не годится.

Ну, надо было до того допить,ся,
что даже почку некому продать?!

Да что продать?! Животным не скормить!

И вот с таким на рынок выходить!

Увы всем нам.

Угрюмость пациента

Совсем не помогает докторам.

Чего болит, не спросишь же клиента,

когда, зачем и с кем он там не спит,

Вернее, спит. Смешение понятий...

«Он задушил ее в своих объятьях».

И суд грядет...

И 10-20 лет уже маячат...

Вопрос любви ведь тоже что-то значит,

Но вот никто об этом не подумал,

Поскольку все вокруг считают – смерть

важней любви, работы, или шапки,

украденной зимою у гражданки.

(Хотя потом гражданка умерла

от холода, от воспаления легких,

От менингита, от недоедания,

Поскольку снова начала копить

На шапку средства.

Скуден был бюджет...

И вот теперь гражданки больше нет).

Но я прошу вас обратить вниманье

Что есть совсем другие представленья
Не только средь другого поколенья,
Которое улучшило питанье
И с ним мозги. Минуточку терпенья.
Известный друг индейцев Кастанеда
Учил, что все в природе равнозначно.
И как бы кошка ни была невзрачна
Она не хуже вашего соседа,
Известного певца иль бизнесмена,
Которому и море по колено
И до небес совсем недалеко,
Поскольку редко пули киллеров
Свистают мимо. Думать не легко,
Но мертвому не скажешь «будь здоров!»
Я отвлекаюсь не на пустяки.
Их просто нет. И так устроен мир.
И легкое касание руки
И ветра дуновенье от реки,
И Путин бомбы мечущий в сортир
Природе одинаково близки.
И помните вопрос: который час?
И помните ответ – конечно – вечность!
И помните: я думаю о вас? И эта мысль – порок и безупречность.

Из письма в ОЦ

Соседа я, дружок, не убивал.
Трубой его по голове ударил и, не взглянув,
с презрением ушел.
А то, что умер он, то я при чем?
Ведь люди смертны, это каждый знает,
и каждый так и этак погибает
Кто от лопаты, кто и кирпичом
Ударен будет. Всюду же дела.
А среди дел, оно вполне понятно,
Нечаянно кого-нибудь заденешь
И специально, чтоб не тельмешил.
А он, глядишь, уже разлегся трупом
И родичи шакалами спешат
На мнимый пир, на пиррову победу,
Чтобы отмстить надменному соседу
Несут пиротехнические средства:
Того гляди, лачугу подожгут;
Огнепоклонников в России пруд пруди
И каждому попробуй, угоди.

Прошу мне разъяснить за что меня
Упрятали в холодную темницу,
Лишив меня домашнего огня,
Оставивши одну сожительницу,
Не чаявшую знать такого дня.

Куда мне обратиться? Болен я.
Все озознал, хоть мир непознаваем.
Кто справку даст, что был я невменяем?
Заступится Каринна за меня?

Я в Европейский суд хочу подать.
Европа мы иль нет, ядрена мать?!

Пришлите подходящий образец,
Любящий сын, сожитель и отец.

”Извините мне мое настроение,
Завтра снова с утра построение.
Снова жизнь – боевое учение.
Бой со смертью – итогом – успение.”

Источник вдохновенья
Безразличен.
К примеру Данту надо
Беатриче.
У нас напитков выбор
Ограничен,
А цвет лица лилов
Или кирпичен.

Но воспаленный мозг
В костяшке-сфере
Ослеп бы и оглох,
Будь вне материй.
А так ему – толчок
И он – пылает,
Последнюю, но мысль
Перегоняет.

Да, мозга аппарат,
Как перегонный.
Уткнешься головой
В наш мир
Зловонный
И чистая, как спирт,
И, как слеза горяча,
Уже готова мысль –
На всякий случай.

Та мысль, как Минотавр
В пещерах Крита
В алкании своем
Всегда не сыта,
Всегда ведь что-то в мире
Недопито.
И разум в нетерпеньи
Бьет копытом.

Еще не все маршруты
Изучили,
Недаром всюду планы
В избыльи.
А если планы есть,
То значит кто-то
Готовит нам пиллюлю
С позолотой.

Проводит дни бессонные
А в ночи,
наверно, коньяком
Мозги полощет.
С промытой башкою
Рано утром,
Забыв совсем о храме
Кама сутры

Какой-то агрегат изобретает,
Который не плывет и не летает,
Не ездит не стоит,
Немного стоит,
И, если хочешь пить,
То он не поит.

А министерство Роспивглавразлила
Его уже в Японии купило

Снова вечер лицо озарил мне багрянцем:

Я цежу из стакана вино;

Эти толпы советских повстанцев,

Посидельцев или полежанцев

Свой протест заявили давно.

 Все быстрее, лихорадочней мысли

 Обострился тупеющий взгляд

 И повадки становятся лисьи,

 Все вокруг так некстати закисли

 Только ты и приветлив и рад.

Мягче голос, отчетливей в речи

Слышен звон философской струны,

И уже собеседнику нечем

Крыть догадки твои, обеспечен

Силлогизмом с любой стороны.

 Что ж, такие чудесные миги

 Предпочесть средневзвешенной книге?

 Или лучше окучить картошку

 На участке размером с ладошку?

Человек характерен надеждой,

Человек и мечтающий зверь,

И мятущийся в космосе между

Вековечными – верь и проверь.

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

Ну-ка, творец, покажи нам, что ты натворил,
Много ли масла ушло на твои бутерброды.
Вижу как бойко при помощи кисти и вил
Ты написал вдохновенные синие воды.

Волны с раскатом вступают на сумрачный брег,
Бьют о подножье священной горы Фудзиямы.
Гребни похожи на мыльный взъерошенный снег
И обрывают тобой предназначенный бег
Здесь на краю бытовой и кощунственной ямы.

Здесь же в струе плавники неживой камбалы.
Рыба погибла она не успела родиться.
Дальше полотна: в высокое небо стволы
Целят верхушками – смотрят за что зацепиться.

Блюдце, лимоны на твердой подставке стола.
Кислые мины на лицах на них устремленных.
Что это? Темпера, масло, пастель, пастила?
Вот вам – экспрессия, точность в чем мать родила!
Видите страстность, а это ведь только лимоны!

Над головою – пропасть.
В ней огоньков пропасть.
Глянул: и можно пропасть.
Видишь дракона пасть?
Или как скорпион
С гидрою в небосклон
Гордо взвили тела:
Личные их дела.
Что нам до Андромеды
Или Кассиопеи?
Слышите гимн Ригведы
В таинстве мениппеи?
Это зовет время
Двинуться вслед за всеми
В межвременной провал
К Воланду на карнавал.

На голос разума он отвечал усмешкой
Безумною и лихо хохотал,
Когда хохол с непроходною пешкой,
Его отождествлял.

Но он любил беспечные салаты,
Любил девиц и знал, что виноватых
Нельзя всегда прощать
И вместе с тем, облокотясь на стойку,
Он говорил, что верит в эту стройку,
Хоть крыше не бывать.

Имея цель – прицел на бесконечность –
Огромный ноль умноженный на вечность
И несколько друзей,
Которых легче заподозрить в краже,
Чем в новизне, но все-таки и даже –
Он обожал людей.

Возможно потому, что как ни стыло
Его души хозяйственное мыло,
А стойкая жара
Неясных отношений согревала
Достаточно отточенное жало
Холодного нутра.

Хотя пора для созреванья осень,
Но не было весны и лето, сбросив
Листву переросло
В начало дней похожих на тюленей...
И медленно он уходил от лени ворочая
Весло.

И в утлой лодке, озверев от скуки,
Когда тоска выкручивала руки,
Он приподнял бокал,
Он приподнял бокал как будто посох
Поутру странник поднимает в росах,
Но пить не стал.

Не жалится солнца оса
Осел луны не стоит
Back in the USSR
Скандирует Вечный Жид
И снова просит овса.

1979 г.

У нашей птички
Странные привычки –
Всегда поет,
А если вдруг купить попросишь спички
Искривит клюв.

Тлетворной западной культуры
Зловещий слышен аромат,
А у Терпсихоры хмурой
Не вытанцовывался взгляд,
А рядом фирменные дуры
Испепеляюще молчат.

И все получили, и так как хотели,
И разово разума здесь торжество,
А сука на площади в длинной шинели,
Увы, до сих пор божество.

Круглые даты – нули,
Твердые брови и взгляды.
Сколько глаза не кругли:
Только козлы – и стадо,
Понуро бредет в пыли.

На каменный брег
Хрустальный пламень явлен.
Тщета у пса перерычать прибой,
А взгляд тоской до времени отравлен
У молодой причудницы нагой.

Слегка отставив огненную ногу,
Прикрыв рукой, тем отенив лишь грудь,
Она не верит водяному богу,
Как видно, помышляя утонуть.

Младой живот исполнен сладострастья,
Власы от ветра кажется кипят,
Но тонки пальцы не хотят несчастья
И верят – Он воротится назад.

Рутений, Германий и Галлий...
На голых утесах волшебю
Зачем объявилась она?
- Наверно, одежду украли, -
Воскликнут с фантазией бедной.
Вопросим: А пес на хрена?!

Как видно, не в этом загвоздка.
Явилась белейшая воска
На сумрачный пенистый брег
Совсем из других побуждений...
А тут уже пенисный гений:
- Она здесь для сладких утех!

И снова уместно воспросим
И тени при этом не бросим
На чистую эту печаль:
- Да с кем же, скажите на милость,
Она миловаться явилась?!
Пуста неоглядная даль.

Со взором таким безутешным
Не будет, кто с помыслом грешным,
По скалам осклизлым блуждать.
Она здесь у края могилы,
Соленой волною разбило
Надежду, но хочется ждать.

Ночь. Свеча

Хрупкое пламя свечи
Мечется в темной ночи.

Свет, разрывающий страх
Тает свечою в глазах.

В воздухе влажная пыль
С морем и запахом миль.

Капает мягкий, как воск,
В тьму парафиновый мозг,

В прошлое. Радужный миг
Вспыхнул, но снова возник.

В синем мерцании свечи
Новой надежны лучи

Входят в полуночный дом
Незавороженным сном.

Тайны никто не постиг.
Пламя похоже на вскрик.

Мрак, как и свет, многолик
С тьмой утешений своих.

За окном – океан темноты,
В нем плывут голубые киты.

За окном океаны надежд,
Материк одичал от невежд.

Словно мост безвоздушных времен
Перекинут ночной капюшон.

Эта ночь лишена очертаний.
Небо, горы и лес без названий
Все сплелось и огромный клубок
Мех ладоней у бога размок
Тишина прорастает в испуг.
Все решается сразу и вдруг,
И решение похоже на всплеск,
Но имеющий образ и вес.
Мысли словно созданы, а слух
Треугольником, вписанный в круг
И из пальцев обиженных рук
Выпадает и слышится стук.

Так срываются камни в горах,
Любопытство рождая и страх,
Так у самой последней черты
Ни одной не забудешь черты,
Так, решаясь на тягостный шаг,
Совершаешь его на руках.
Воск течет, от тепла он размяк,
И свеча в человеческих слезах.

1977 г.

Господь всегда склоняется ко мне
И говорит, что это не во сне.

Он говорит: «У на на небесах
Христос, Будда, Ишвара и Аллах

Внимательно следят за ходом дел,
Лишь Ягве к Бетельгейзе улетел.

Но через два столетья он вернется
Каналом трансцедентного колодца.

Не буде удивлениям конца!
И вновь создаст Адама-праотца.

И Шива вновь начнет свой длинный танец,
Вновь зацветут лотос и померанец,

И вновь начнется мгла перерождений
Путем любви, добра и преступлений».

1977 г.

Потом мы все пойдем,
Когда уйдем,

И наш высокий слог
Разложит Бог.

Прочитан по слогам
Проснется сам

Из средиземных стран
Лохматый Пан.

Копытцем постучит
И промолчит.

Искривит небосвод
Свой желтый рот.

И глянут с высоты
Отец и Ты.

1977 г.

Воском стекает с креста
Желтое тело Христа.

Слезы с божественных щек
Падают в жаркий песок.

Вдоль деревянного бруса
Катится кровь Иисуса.

1977 г.

Бесчеловечность кляня,
Поднялся третьего дня,

Глянул в столетий колодцы...
Вряд ли вернется.

1977 г.

Едва переставляя войлок ног,
Он вышел на высокую трибуну
И встал над ними. Воздуха глоток.
Он совершает речевой прыжок,
Голосовые разрывая струны.

Расстроенный и черный, как рояль.
С раскрытой партитурой манускрипта,
Уставившись на микрофонов сталь
И мысленно назвав их fleur de mal
Почувствовав себя не третьей скрипкой,

Он начал свой косноязычный «спич»
О трудовых несбывшихся успехах.
Он слова к слову приставлял кирпич
И возносил над головою бич
Из слов своих. В притихших человеках
Дремал восторг...

1977 г.

У Кащейа каменная кровать,
Но Кащейо странно на ней спать.

Василису хочет он к себе женой
Во дворец незыблемый, золотой.

Но не нужен девице тот дворец,
Обручальных золото тяжело колец.

И другими чувствами ей колышет грудь,
На другого молодца б заглянуть.

Хоть велик Кащейа и богат весьма,
Жизнь кащеева – без просвета тьма.

Лучше в шкуру влезть и лягушкой стать,
Чем с Кащейем жить, чем с Кащейем спать.

1977 г.

Надписи к рисункам

Это черт.
Узнаете черты?
Плащ протерт.
И рога за четыре версты
Разглядишь.
И обрубок хвоста,
И на шее болтается мышь
Неспроста.

Эти люди
Похожи на студень.
Не медузы,
Но так, вроде этого,
Их растят профсоюзы,
Кто-то им посоветовал.

Лето укатилось на тележке
К чертовой матери.
Остались одни сыроежки
С опятами.

Это лето нам подарило
Свод законов.
Их родил современный Ярило,
Друг Солонov.

Это есть образец демократии
Совершенный
О таком как раз аппарате я
Несомненно

Благовидную мысль лелею
И без риска
«Над страной весенний ветер веет...»
Лето близко.

1976 г.

Вечерние страхи

Настала ночь,
Протяжный синий мрак.
И я не прочь
Остаться в дураках,
Рассеять мысль
По нежилым углам
И проплестись
По черным чердакам
Своих надежд
С налипнувшей смолой
Весь мир – манеж
Заполненный тобой,
Но ты молчишь
Тебе не до меня...
Ночнаямышь
Летает у огня,
Но не горит:
Надежен ультразвук.
Не говорит
Мой самый верный друг.
Стучат часы
И двигается вскользь
Вдоль полосы
Сгорающая моль...
Как мотылек
И я на свет лечу,
Кусками строк
Питаюсь и лечусь.
Из забытья
На мозг течет бальзам
Хочу быть я
Собою, но не сам,
Хочу быть я
С тобою, как одно
Из бытия
Не оседать на дно.
Но нет в ответ
Звучит, как я не тщусь
Сквозь прорезь лет
Я все равно вернусь.
И надо мной
Из сгрудившихся туч
Мелькнет Родной
Твоей улыбки луч.

1977 г.

Я увидел на Вашем лице
Небывалого счастья налет
И поэтому в жизни конце
(Или , может быть, наоборот)
Я и сам изменяюсь в лице.

Удивительно – долго смотреть,
Даже в самые лучшие дни
(Хорошо бы не умереть),
Когда все это стало сродни
Выжиданию – страсть посмотреть.

Скажем, клетка, а в клетке той клеть,
Ну, а в самой последней клетки
(мне совсем недосуг помирать)
Ты б мне нежно сказала лети,
Если эдак не нравится петь.

Теплый дождь, в середине апрель.
Частый дождь, словно тонкая сеть.
В этой тонкой сети – зренью цель.
Почему же не надо смотреть?

- Попробуй жить и без холестерина, -
Так, ласково взглянув, сказала Нина.
Я отвернулся скучно и невинно и
Вспомнил: до чего же было винно.
И вот – тоска в боках и давит спину.

В Ы В О Д Ы

Коллапс.
У черной дыры
Нет разрешения свету.
Странные есть миры...
Странных миров нету.

Осень причина того,
Что завершилось лето.
Желтое торжество
Желтого цвета.

Улица.
У лица этого только рот:
Вот оно, это лицо,
Все без конца
И жрет.

Мастер сказал всем:
«Глаз сам себя не видит –
Это пример закрытых систем».
А у них ничего не выйдет.

Мир открывается, словно уста
Он вас целует – вы его тоже
Ну, до чего же идея проста,
Боже мой, боже...

- Это не имеет названия.
- Это – тем лучше.
Если имеет оно очертание,
Значит – уже суще.

Жарко – выпей воды ледяной
Холодно – сядь к огню.
Если устал конь под тобой,
Дай отдохнуть коню.

Есть, чтобы выжить, чтоб голодать –
Вот вам: добро и зло.
Спать, чтобы выспаться, чтоб не спать,
Если на то пошло.

Будда предвечен. Он везде.
Поиск его бессмыслен.
Он и в мысли, он и в еде,
И в глубине и в выси.

1976 г.

«..Мысль изреченную положь..»

- Я не слыхал рассказов Оссиана...
- Ну, ты даешь!
- Но не болит моя былая рана...
- Возьми же нож

Она всегда: Испания, цветы,
Не жизнь без путешествий...
А ты
Сидишь на месте

Вот она шайка умалишайников
Этот сервиз нелуженных чайников
Все нас ведут куда-то, сердечные,
Милые, старые, добрые, вечные
Им открываются дали беспечные.

Сверхдуховны вожди Ислама.
Телеграмма в адрес имама:
Уважаемый Хомейни,
Да продлит Аллах ваши дни,
Да не выйдет вовеки боком
Предначертанный путь Пророка,
Да взовьется выше над вами
Магомета зеленое знамя,
Постарайтесь не захлебнуться
Кровью, нефтью и революцией.
С христианским приветом,
Атеисты страны советов.

В палеозое проснулись рачки,
Встали на ножки, протерли очки
И осмотрелись кругом:
Эвапоритовых толщ не видать,
Зря просыпались, пойдем досыпать,
Не догадались соль-то в чем,
Впрочем, как знать?

Причально мне, не приклонить главы.
А вы?
Нет слов, чтоб выразить печаль.
А жаль.

Странные, впрочем, эти слова:
Что значит: майк лав?
Кружится сердце и голова
И я на колени встал

Метро. Эскалатор. Вокзал.
Как следует я опоздал
И добрый блуждающий час
Мне надо бродить мимо касс
Среди отдыхающих масс,
Среди отъезжающих нас
В лучах засыпающих глаз...
Какой же я буду несчас...

Мороз долгожданной зимы
И робко дрожащие мы
В стенах обезлюдых,
Спасаясь простуды
Среди грипповой кутерьмы.

Аттестация. Вопросы.
Заскорузлые ответы.
Жалят люди словно осы,
Будто лето.

Мимо города Ростова
На Дону идет корова.
Удивляется величию
Нашей мощи электричьей.

Будьте здоровы, товарищи, будьте здоровы,
Кто-то чихнул на прощание, кто-то курил.
Все привлекает внимание: что вы, и где вы, и кто вы...
И прозевав: до свидания, - я заскулил.

Щедрокистый шалун в опозаренный день
Рисовал то валун, то кремень,
А ветер-бродяга волнистой рукой
По струнам водил серебристым
И пел как за здравие за упокой
Да какой-то припев со свистом,
А красивая дева качала собой
И трясла головой и монистом.

Легкотелые, мягкомысленные, оголтелые,
Перечисленные, истолкованные, добродушные,
Неподкованные, но послушные,
Ваши головы, как воздушные...
Ах вы жаркие, ах вы душевные!

Здесь тигр в пейзаж не врисован,
Здесь нет простора полету,
Здесь только мудрые совы,
Как мышку давят зевоту.

Кровь с молоком и мясо с кровью
Вредит коровам и здоровью

Правда – ложь, но в ней намек,
Подозрение, упрек.

ХОВАНЩИНА И БАРБАРА

Сияет лик на солнце у кумиры
И руки тщетно тянутся до лиры,
Чтоб струны у нее перебирать.
Проткнет копьем язык твои порфиры,
Пусть все проспекты превратятся в Миры,
Чтоб даже с миром варваров встречать.

С покатых плеч лениво шаль сползает,
Косматый заяц утку догоняет,
Чтоб отобрать бессмертное яйцо,
И только то сгорает, что пылает,
Но медленно и верно натирает
Шершавый воздух мокрое лицо.

У птиц свои потехи – зерновухи –
У них язык смешной и птичьей слухи
И жесткая – из веточек – кровать,
У них до встречи берега-разлуки,
А крылья не заламывают – руки.
И без разлуки встречи – не узнать.

Не запевают хор с подмосток сцены.
Все – тишина. Тяжелый вой сирены.
Идите – надо к мачте приковать.
Не падают наряды, словно цены,
А остаются призрачные стены,
И надо б взгляд на плуг перековать.

Сверкают среднерусские пейзажи.
Они уже не северные даже,
Не угадать их истинных широт.
И только город броско напомажен,
Едва влезает, лежа, в антуражи
И подминает купола живот.

Ориентир «Океан» -
Остров в святом океане.
Жертвы готовы к закланью,
Поторопитесь, капитан.

РАМО И БАРБАРА

У доллара, привычно, инфлюэнца.
Инфляция чьего-то президентства.
Усталость директив от резолюций,
А мусульманских стран от революций.

На всем висят трехъярусные шоры.
Я вас люблю, как море или горы,
И нечто соразмерное душе,
Которое ответить не стыдится,
Которое дрожит, но не боится,
Которое еще, а не уже.

И падают громоздкие закаты, на эти Якиманки и Арбаты.
И скольско, и морозно, и легко,
И бархатная ночь все так же длится, и трудно мне напиться-наклониться
С кисельных берегов да в молоко.
И катит ветер шепот вдоль партера, и кажется ленивая пантера
Поводит зябко правильностью плеч...
Но музыка, создание чьей-то силы, меня еще сильнее раздражила,
Чем ваша неосознанная речь.

ЧИТАЯ ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ

Досрочно сэкономленный восторг.
Уверенная поступь совещаний.
Как яркий содержательный костер
Пылает небо звездными мощами.

Пришел успех, как сказочный корабль,
Как кот явился с цепью Лукоморья...
С обложки «Раководства» смотрит краб,
Глаза навывкат, твердолобей Тори.

На встречный план – приветственным письмом:
Седьмого чувства ширятся границы
В рукоплесканьях и воздух ловят ртом
Счастливо перекошенные лица.

Поет поток – река постановлений:
Постановить, поставить, перестать.
С законной гордостью идет подсчет ступеней.
Считают то, что нравится считать.

Какая мощь! Опять стальной каркас!
Какие арки, тракторы, турбины!
А как он пьет – раскрепощенный класс,
Закрепощенный мускулом машины.

Еще один сверхплановый станок
И дышится уверенней и строже.
Сквозь радостный поток ненужных строк:
Мы рапортуем, можно подытожить, -
В висках стучит все время: ну и что же?

Николаю Н. К.

Вкусивший жизни сладкого батата,
Художник вольный с выправкой солдата,
Возьми свой мастихин
И начертай пейзаж замысловатый,
Чтоб славу принести себе стократы
Да не ходи за водкой в магазин.

Здесь все толпится и сумбур полнейший.
Вот раньше, помню, движешься пьянейший,
Ни курицы не видишь, ни яйца...
А ныне пусто в сердце, пусто в доме
И ничего не отвлекает, кроме
Мечтаний о тарелки холодца.

Я голоден, я неутешен, зол,
Передо мной железная дорога,
Грохочущая так, - что ради Бога!
Когда по ней проскачет многоногого
Веселый электрический козел.

*«Есть в близости людей заветная черта...»
(А. Ахматова)*

Есть в близости известная черта,
Ее не переступишь ни черта
Чем ближе ты к неведомой черте
Тем больше сердце бьется в маете
Так думаешь, что даже мозг вспотел,
Но не получишь ты, чего хотел.

*«Хижина этого человека и донныне
стоит на краю мира...»
(Из воспоминаний папуаса Бубо)*

*«Всех нас дьяволы случая в круг
заманили и водят по кругу.
Род людской, слыша скрипок их звук
Пляшет, пляшет, мешая друг другу,
Перед бездной, открывшейся вдруг».
(Ш.Бодлер)*

О, великий Маклай
Заполярных полу Островов,
Здравствуй, царь Николай,
Прокоптившийся дымом костров.

Заклинатель пространств,
Открыватель неясных структур.
Любишь ты преферанс
И не любишь нещипанных дур.

Смутный мир их дремуч:
Ни начала в них нет ни конца.
Ты, имеющий ключ,
Отверзающий сердце Отца.

Папуасы твои
Через бездны пространства бредут,
Ты их водкой пои,
Пусть им в сердце приходит уют.

Непривязанный рай...
Непонятно мне все, что вокруг:
Так что ты, Николай,
Разорви притяженье подруг

И ответь на письмо,
Многомудрою мыслью звеня,
Пусть твои эскимо –
Ски простят на минуту меня.

Письмо к тебе

Итак, последнее. Когда же ты приедешь?
В который раз я перед гулким мраком
Который раз уносится к собакам
Немой вопрос, а лая не поймешь:
Какой же смысл у их собачьих слов,
Какие ночью грезят им виденья.
Возможно кости праздничных сортов
Назначенные им на воскресенье.
Я должен спать. Уже давно пора.
Стенная лампа раскалена, как череп
Уехала жена и до утра,
Возможно обойдется без истерик.
Во всяком случае остался я один,
И дочка спит посвистывая носом
И видит сны с причудливых картин:
Яга верхом на желтых альбатросах.
Сентябрь. Уже не душно по ночам
И в комнату не залетают мошки.
Таращат удивленные обложки Васильев, Блок:
А где же Мандельштам!?
Часов «тик-так». Свистанье поездов.
Я дочитал, доел остатки «Пира»
Сократ сказал не сотвори кумира
Никак не позже торовских богов.
Ну ладно, все. До следующих дней
До новых настроений, одиночеств,
До звезд, до солнц, до новых фонарей,
До их высочеств
Каменных хребтов,
Устроенных морщинисто, но просто,
До новых снов, моя любовь,
До новых слов,
До новых тостов.

АНГИСА

В мандариновой чаше
Орут некормленные свиньи
И от этого воздух все чаще
Становится синим.

 Это ранняя осень,
 Это звуков бесчисленных гомон,
 Это жизнь на износе,
 На отлете, далеко от дома.

А потом этот голос,
Бессонные ночи и чача,
Все во мне расколосось.
Этим хохотом я озадачен.

 У китайской принцессы
 Не хватает на всех вдохновенья...
 Несмотря на эксцессы,
 Я был счастлив в своем воспаленьи.

На ночь глядя,
Всякий дядя
Пишет стих.
Долго пишет,
Часто дышит
И затих.

 Спит и снится
 Будто птица,
 Птица с жаром
 Растирает поясницу
 Скипидаром.

И не ломит больше спину
Не болит.
За границей
Эта птица
Говорит.

 Говорит на заграничном языке
 И высиживает яйца в молоке,
 И из странных удивительных яиц
 Вереницы нескончаемые лиц
 Вылупляются торжественной толпой
 И смеются дружным хором надо мной.

В слоях песчаников валялся белемнит.
Огромный ростр, отточенное тело,
Придирчиво, но просто и умело
Природа создала великолепный вид.

Теперь Вулых – потомок белемнитов
В людских слоях стремится свой организм
Через Монголию в локальный коммунизм
У маленького общего корыта.

А это что за бородач
Среди невозвращенцев с дач?
Самсоныч – фотоискуситель,
Ценитель жизни и вина учитель.

Зимой в целлофановой шапке
Довольно тепло,
Особенно, если гуляешь,
В стеклянных сапожках.
Под нашим окошком огромный
Сугроб намело
И это немного украсило
Вид из окошка.

Страшны в России холод и начальство.
Здесь юмор нужен меньше, чем нахальство.
Особу с сатирическим умом
Гостеприимно ждет казенный дом.

Я берусь гарантировать Вам
Ваше горе и счастье, мадам.
И на Ваши вопросы, как раз
Собираюсь ответить за Вас.
Но, боюсь, это все ни к чему:
Трудно встретить меня по уму,
Проводить по одежке легко
И послать далеко... далеко.

Я, состоящий в секте ротозеев,
Я с каждым годом становлюсь бодрее,
Поскольку ясных мыслей не имею
И ничего такого не лелею,
А только знаю раньше – не быстрее.

Как хорошо, что в мире есть хрусталь.
Я здесь сижу мне времени не жаль,
Точней сказать: я не могу иначе.
Вот так она калится эта сталь,
Как говорил когда-то сам Стендаль
В своем письме к одной мадам де Сталь,
Которая пренебрегала чачей.

Я имею суверенное право,
Потому, что мы здесь все сюзерены,
И уверенно глотаем отраву,
Не сдуваем мы бессильную пену.
Выростает в нас мораль постепенно:
Начитаешься плакатов по стенам.
Тверды в праве дожидаться отстоя,
Хорошо бы только лежа, не стоя.

Так и хочется сказать: ну и ну!
Поглядев со стороны на страну,
А взглядевшись на нее изнутри,
Обязательно воскликнешь: ты смотри!

Уравнение с двумя неизвестными
Одинаково неинтересными.

В искрометной блевотине
И отрыжке статей,
Что за сказки о Родине?!
Да еще о своей!

Песня Игоря Пл. (вечерняя)

У девочки Тани
В стакане
Зачем-то вино,
А дядя Андрей, бесстыжий,
Сидит невозможно ближе
И чуть ли ее не лижет
И это давно.

Во двор выползает крыса
На то оно здесь и Ангиса.
Нахальный зверок.
Но папа встает спокойно
Разводит яду достойно,
И стане зверок покойным
И ныне и впрок.

Дохнуло вечерней прохладой
Из тьмы мандаринного сада.
Набросить бы кимоно.
А дядя Андрей вздыхает,
Как будто что вспоминает,
Но все-то, конечно, знают...
Совсем, как в кино.

Вот так и проходит вечер,
Заняться нам что ли нечем?
А, вправду сказать, ну чем?
А он все сидит – интересно,
Мол, буду сидеть, хоть тресну,
А может ему известно:
Зачем.

Ах, стрелец из любовного лука!
«Ты зачем в меня выстрелил, сука!?» -
задыхаясь Амуру кричу.
Ну, а он пострелял да убрался,
Я стоять сам с собою остался.
Ощущенье – сейчас полечу.
Вот и все. Нет не то что полета,
Нет билетов и самолетов
Нет еще другого чего-то
Есть – тоска, тошнота, икота:
Приближаюсь к параличу?

Слух о тебе достигнул и меня
Сквозь всю велику Русь.
Ты не бежишь телесного огня
И я напрасно тщусь.

Здесь объявилась огненная Дева
Но ты же знаешь сучий мой язык.
Он постоянно погибает влево,
А говорить направо не привык
Так и живу пророк своих пороков.
В толпе, как ни банально, одиноко.
И жду не предначертанного срока,
И жалкого проистечения соков.

Однажды я (в прекрасном настроении)
Со странным познакомился растением,
Его смутив чудесным песнопением,
Едва не повалив.
Но петь я перестал растенье сплыло,
Верней сказать, что к пенью поостыло
Оно чуть раньше, поубавив пыла.
А вот японцы: те поют для слив.

За серединой осень стала строже.
Особенно теперь – мороз по коже,
Когда зубами выбиваешь дрожь.
Подумать можно: музыкант по духу
Военный... как ни неприятно уху,
Но кажется, что лето было ложь.

Есть много истин прописных прописанных
На этих тонких на бумажках рисовых
В брошюрках этих, ах, каких грошовых
В таких блестящих и таких не новых.

Как жаль, что все снимается как пыль
И даже страшно: нет – и стало – гиль,
(Так Бунин говорил). Не все, конечно...
есть где-то корни, но они в земле,
но там темно, и не видать во мгле.
И память завивается колечком.

Подражание коанам и на темы их

- Почему расквакались лягушки?
- Чтоб у сосен вымокли макушки.

- Для чего на солнце нет людей?
- Там же нет дорог и фонарей!

- А зачем собаке нужен хвост?
- Чтоб саму себя водить за нос.

- Веер нужен в жаркий день.
- А когда же нужен пень?

- Каждый вечер солнце исчезает.
- Хорошо, что петухи не лают.

- Ты пришел, но правды нет в ногах?!
- К счастью, я явился на бровях.

- На высоком дереве опасней.
- Расскажите детям эти басни.

Ночь дана, чтоб спать или любить,
Но и днем, ведь, тоже нужно жить.

Жизнь без соли и всмятку.
Пляшет яйцо вприсядку.

Курица учит яйца –
С цыплятами меньше маятся.

Моя жена мне стала чужой.
И я для нее обуза.
А раньше ведь был *injoy*...
Жизнь полиняла, как блуза.

Если у вас болит зуб – вырвите зуб.
Если у вас болит душа – вырвите: будет труп

1976 г.

*«Для определенной части молодежи на определенном
этапе характерно определенное стремление
к определенным знаниям...»*

(Из Постановлений)

Прихожу на базар,
Чтоб купить телескоп и антенну:
Наблюдаю квазар
И стараюсь понять непременно.

Покупаю редис
Подкупающе свеж глядит.
Повторяю на «бис»:
У торговки пленительный вид.

Излучение звезд
В настоящем доступно для всех.
И по коже мороз
От в пространстве разбросанных вех.

На углу постовой:
Он следит колебанья пьянчужки.
У того под полой
Телескоп наподобье чекушки.

В небе светит луна
Хотя день удивительно ясный
И натянута нерва струна
И порваться грозит ежечасно.

Июль 1984 г.

ВСТРЕЧА

Вдруг из-за кипариса
Вышла лиса Алиса.
- Здравствуй, милый дружок,
Стройненький Буратино!
Как ты так долго мог
Грезить в пыли дорог
Искренно и невинно!?

Жизнь – это краткий миг,
Словно солнечный блик
Недолговечно прекрасна.
Здесь у «Трех пескарей»
Ты наконец друзей
Встретил своих несчастных,
Ласкою их согрей.

Несколько добрых слов,
Парочка судаков,
Пару кружечек пива,
Мясо, жаркий огонь...
Видишь хожу криво,
Хвост потускнел и сивый
Сделался от погонь.

Вечный вопрос *топеу*,
Дело за этим не станет!
Мир не без добрых идей!
Кот охромел тоже.
Вряд ли теперь сможет
В морды смотреть людей
Снова без нервной дрожи.

Ишь ты, какой степенный!
Ты ведь вчера поленом
Был, а сегодня ты,
Можно сказать, фигура.
Да не смотри так хмуро,
Из-за моей нищеты
Блещет твоя «гуру».

Там за горой поле.
Ночью чернее смоли
На пустыре зарой
В ямку свои монеты.
Тихо над ними спой
Сладкие два куплета:
Вырастет дуб золотой.

Будут на дубе этом
Ночью горячим светом,
Яростным светом гореть
Тысячи тысяч дукатов –
Хватит на каждого брата –
Дуб-то в четыре обхвата!
Жить бы – не умереть!

Ну, а пока, сладкий,
Скушаем по оладке.
Выбились мы из сил.
Ветер холодный свищет
Рыщем в поисках пищи.
Кто из нас не просил!?
Кто не бывал нищим!?

Эй, хозяин! Скорее
Пусть нам вина согреют,
Живо на стол еду!
Нынче у нас пирушка.
Ну, сеньор побирушка,
Пододвигай кружку,
Ближе – сковороду!

1976 г.

*«Черные дыры поглощают даже свет...»
(Астрономия для домохозяек)*

Источник света – есть источник света.
К примеру, им могла быть и Света.
Тем более (я искривлюсь от боли,
Но вымолвлю), могла бы быть и Оля.
Я освещен, прогрет до середины,
Как ртутной лампою, улыбкой Нины.
Когда меня рвала зимой простуда,
Компресс – блестящий взгляд – бросала Люда.
А в жарки дни (и жил еще при бане)
Электросваркой ослепила Таня.
Вот так в лучах сияю и купаюсь,
Но трением, как спичка, загораюсь.

*«Раздавите гадину»
(Из постановлений)*

Читал, глазам не верил, думал: нешто
Не привезут вина из Будапешта?
И что ж не будет Пильзенского пива?!
Не вяжется с понятием «красиво»
Такая вот в ковычках перспектива.
А как же СЭВ – программа интеграций?
Не повредит ли это организм
Хозяйственный, ведь столько операций
Идет не только через “thank you”, “please”.
Увы, но выраженья из волшебных
Пока еще не в силах заменить
Потоки рек живительно-целебных
В безмерных мерах могущих убить...
Но хватит водке гимны петь хвалебны...
Огонь огнем лишь можно потушить..

Флодово-ягодные вина
Всему виной:
Что недоделана машина,
Что недоделанного сына
На свет произведет мужчина,
А сам – долой,
Хоть жизни только половина
И ту, бухой, перезабыл:
Прилавки, спины,
Стакан пустой,
Слова черствы, хоть из мякины,
Друзья толпой у магазина,
Дворцы коньячные в витринах
И мат густой...

14 июля 1985 года

За взятие Бастилии налей,
Сегодня праздник падших королей,
Сегодня день вдобавок и воскресный.
Бургундского, шампанского! О'кей!
Пусть короли почаще в муках крестных
Осознает ответственность ролей.

«Не хеком единым жив человек...»

Ты опять на самом на отшибе
Той земли, что держится на рыбе,
А не на какой-то черепахе,
На китах в бобрах, моржах в папахе,
На веселом слове и на страхе.
Чем ты дышишь на гранитной глыбе?

*«В Москве ожидается фестиваль шторм...»
(Синописис)*

Я не люблю излишних церемоний.
Сторонник всех и всяческих гармоний
Я мог бы жить и в дырке макароньей,
Когда б там был закон.
А то вчера схватили без причины,
Рекут: «Зачем лакал заморски вины!
Не умничай, а сам иди с повинной,
Неси и аппарат и самогон!»

Вы помните «Норма» и «Тоска».
Теперь здесь обычай – тоска.
А норма жизни – не в доску,
Не в стельку, а так – слегка.

Прожил полжизни среднестатистической
И осмотрел ее уже критически.
Хотя, конечно, все прошло классически
Да плюс на фоне разных истерических
Постановлений социо-этических.

«Очнулся – гипс...»

Говорила Петрову няня:
- Безопасны склоны Тянь-Шаня,
Бойся Ленинских гор.
Не послушал и все, как в сказке
Поначалу ловушки-глазки,
А потом Дамоклов топор
И Гордиев семейный узел
Завязал, Робинзоне Крузе,
Кий любви – и ребенок в лузе.
Был ли то приговор?
Оказалось, что это цветочки,
Махи, меты, плоскости, точки
Не о них разговор...
Скользкий склон подле той махины
И воздвигли такие трамплины,
Чтобы жизнь не казалась длинной,
Буде сказано не в укор
Воздвигателям. Время мчалось
МГУ, как детская шалость,
У Петрова в сердце осталась –
Интеграция нор.
Но судьба для того и надо,
Чтобы с нею не было слада,
Привела его снова - падать,
Поглядевши в упор.
И – о ужас! – по склону мчится
Бесполезно, не за девицей,
Кто? – конечно же он, как птица,
У которой стальной мотор.
И Вайнштейн вдруг лицом сбежался,
Долго взглядом не ковырялся,
Быстро, что к чему, разобрался,
И возник над пространством ор.

И теперь, в знак того увечья,
Именуется в просторечьи
Этот склон – Петрово предплечье.
Там растет один мухомор.

Членистоногие ватно идут по ступеням.
Экие пни! А вздымаются, яко секвойи.
Так только кажется – это порог отупенья.
Эта когорта в цепких руках паранойи.
Что-то им видится? Снится далекая старость?
Не антикварные, - просто ненужная ветошь.
Небо высокое и что-то внутри поломалось...
Я горячо одобряю пришедшее лето.

По дороге умозрительной
Мы куда идем стремительно?
Что идем-то удивительно...
Хорошо еще, что бдительно.

Постановление сердца:
Мозг принимает решение
И тело, едва живое,
Медленно поднимается
И в полном недоумении
Начинает копать...

Всенародное светило
На родное наше небо
(Ну кого за это славить!)
снова вышло, как всегда.
И опять, как прошлым летом,
Пробудилась природа
Понапрасну: то вода
Из хлябей облак
То вдруг солнце (среди дня!)
Сверху льет на нас досаду.
Трудно полю, сложно саду...
Но зимой и вовсе холод,
А когда-то надо жить...

Как говорил в своей последней речи
Пора слезать с недопустимой печи,
Поскольку нету дров
И в темный лес известной всем дорогой
Чтоб через год (без шуток, ради Бога)...
Я ощущаю гениальность слов...

В зависимости от настроения
Я принимаю извинения
И чувств моих трещат поленья
И это есть душа и пенье.
Ну, а у грани преступления
Есть тоже грань и продолжение.

Коли этот Кольский, Коля, коли, добивай,
Чтоб он раскололся, что ли? Хибинский рай.
А в тундре растет морошка, оленей полста осталось
А денег в мешке и с верхом, но это такая малость!

Во тьме недостоверных соответствий
Через порог сиятельных владык,
Через леса изношенных приветствий
И я вставляю лыком свой язык.
Устав молчать, не думать и бояться
Уставом дней у стойки и стола:
Какая речь сквозь течь под гром оваций
Из головной дыры проитекла!

Все, что внутри или вне
Все утопает в вине.
Это цветут не цветы,
Нету надежды, а ты
Все еще гредишь... мечта
Мыши не встрерить кота.

Снег суховат и мороз.
Ветер, ядрящий мой нос
Глаз задирает впотьмах.
Все упирается в страх.

Пятью бутылками водки
Нельзя напоить народ,
Чтоб пьяные все стали,
Чтоб все эти дьяволы знали,
Что кто-то чуткой заботой
Одною лишь и живет.

Мое желание почти неутолимо.
Мое призвание – беседы в струйках дыма.
Непонимание не непереводаемо,
Как расставание – сладко, но нелюбимо.

Кто поел, тот и поет.
Сухая ложка глотку дерет.
Бросайте камень в мой огород:
Козлице-сторож капусту жрет.

«Любишь кататься – купи машину»

Денежки любят счет
И поэтому каждый сверчок,
Накинов платок на роток,
Или набравши в рот
Воды, запирает комод,
Как правило не на крючок.

Желание проснулось перед сном.
А мы с тобой вдвоем
В движении желание уьем,
Прикончим и уснем.

Мы все тут сидим и пишем
В стране олимпийских Мишек,
Посаженные на цепь.
А если бы мы-медведи,
Да волки, наши соседи,
Да лисы, да вместе в степь
Из леса псевдоучений,
Где, что ни дурак – то гений,
А что ни гений – дурак,
И мы, извиняюсь, взгляды
Отводим, сказать бы рады,
Но только не ясно – как?
Подвинься, мол, косолапый,
Чтоб зад твоего папы,
Да жиру не нагулял.
В берлоге зимой бы не спал,
Наверно, б незавалился,
А буднично б простудился –
И начал бы вдруг чихать,
Услышь его душу мать.
Так нет же ж: идет Мишутка
Взглянуть-то в глаза жутко:
Известно – близко сидят.
И вот превращается шутка
Совсем в не то, что едят.
Проснись, оглянись, очнись,
О тысячи тысяч сисек,
Огромное вымя, народ!
Ужель от электропожатий
Возможно встать с кровати
И слушать их враки – в рот?
Раскрытый не для речей,
Просто, чтоб что-то охватить
Вчерашней вчерашних щей:
Ведь страшно сдыхать...
А жить?

1980 г.

Норма жизни – стала нормой смерти.
(К нам пришло закрытое письмо).
«Всем на свете» – адрес на конверте,
а обратный – «Новый Сен-Симон».

Да, конечно, славное открытие.
Так недолго премию схватить.
Что ж? Сознание оглушает питание,
Бытие стараются забыть.

И от этой странной тавтологии
Сам на коже ежится мороз.
К сожаленью нынче очень многие
Чувствуют пространства перекося.

На идущих в светлое грядущее
Для чего-то вновь полканы спущены

Исполнен изъяснимы благородства
Живущий по законам Дон-Кихотства,
С трудом переживая жизни скотства
Ты оседлал опять полярный круг
И дела нет тебе, что а дольнем мире
Всегда в мечтах о золотом кумире
Живут в бесцельном постоянном пире
Несметны полчища твоих подруг.

Их контингент пестрит многообразьем
Мысль о тебе – и все они в экстазе
Немного эротических фантазий
И вот уже хронический недуг.
Но весел ты не в меру

Какой-то граф из бывших их сиятельств
Не принял там каких-то обязательств,
А это есть одно из доказательств,
Что он не видел ясных перспектив.
И вскоре, после встречи с государем,
Который в этот вечер был в ударе,
(Вернее, и скорей всего, в угаре),
С ним сделался удар и он стал крив,
Что выдает уже одним обличьем,
Что он, хотя не пойман был с поличным,
Был вором, да при том и преотличным
(Таких теперь, наверно, больше нет).
Но государь был новых честных правил,
Он это без вниманья не оставил,
Как новая метла и лучше правил
И повелел найти хищений след.
Не долго длилось все, но и не скоро,
Перевернув бумаг златые горы
Представили премного прокуроры
Вещественных улик.
И, чтоб другим в дальнейшем не повадно
Ни порознь воровать и ни бригадно
Повесить порешили, да и ладно,
Но, передумав, вырвали язык.

К выступлению К. У. Ч.

Ну, что такое, скажем, перспектива:
Что было прямо, после стало криво?
Нет. Например, все утверждали: слива
На юге не растет.
Теперь совсем иначе утверждают:
Не то что, мол, растет, а процветает!
Но вот плодов зачем-то не дает.

Какие тут открылись перспективы
По направленью изучения сливы?
Что ей нужны поливы и поливы...
Коль нет воды: откуда быть плодам?
Плоды, оно понятно, есть и ныне,
Поскольку сливу сажают не в пустыне,
Но уж когда оратор рот разинет,
То лучше знать ему ведь, а не нам.

И все от удивленья рты открыли:
Еще один закон для нас открыли!
А то как раньше было – или-или.
Так значит вона как!
До этого б не догадались «тори»,
Куда им знать о рукорворном море,
А мы плотина поперек историй...
И под аплодисмент пошли в кабак.

Начитавшийся

Я упал, я намочен,
Но заявляю,
Вы там на Западе
Не очень
Жмитесь к Китаю.

Яркий ответ на глупый вопрос
Полностью одобряю.
Какой-то колхоз
Вывез навоз?
- Пусть удобряют!

Садовые участки? – Давно пора!
И там же открыть пивные!
Правильно пишут доктора:
Что мертвые, ну как живые.

Сейчас встану, продолжу путь.
То-то земля круглая.
Мы живем с вами не где-нибудь..
Пуганные.

Замечательный лазер изобрели
ученые. С его помощью механизатор
в течение считанных часов сможет
отыскать нужный ему инструмент
на складе совхоза.

Крепленые напитки – в мелкой таре,
Чтоб легче проносил рабочий парень.
А то какой-то сторож – дядя-вася
Отметит, что с посудой не согласен.

И вот уже бутылки-авторучки
Идут из-под полы по полполучки,
Компания – «Рено»
Без всякой скидки
Для фирмы «Главвино»
Под Роснапитки
Давно изобрела
Очки-бутылки.
Еще не продала –
Патент в копилке.

РОБЕРТ ВОЗНЕСЕНКО В ПАРИЖЕ

О. К!

Весьма поэтично иду по Парижу
Клок мамонта шерсти в руках.
Наверное мамонт нажил грыжу,
Поэтому он и зачах.

В якутской пустыне, снегах непролазных
В болото свалился и сдох...
А здесь в Париже столько соблазнов,
Язви его жирный бок.

Огромная туша, огромный город...
За эйфелевый нос
Я взял бы весь этот культурный ворох
В сибирский мороз перенес.

И мы б посмотрели на той бы льдине,
Где мамонт сложил живот,
В какой бы тогда искривился мне
Его – триумфальный рот.

Конечно, в Париже – это в Париже:
Европа, Франция шарм,
Но нам гораздо понятней и ближе:
Якутия, мамонт, БАМ!

Стихи он писал хреново
(Наподобие Гумилева).
Хотя иногда писал
(Не очень даже и редко).
И тогда головы овал
Бунтовал, как яйцо в клетке.
(Подумайте о яйце в клетке –
Птенец в неволе!)
Но на его лице
Недоставало соли.

Был там горечи след,
Сладость была, кислинка,
Изюминки половинка,
А соли не было. Нет.

Здесь холодно, но я сосредоточен.
Не замечаю ничего и пью
Коричневого масляного чаю
Горчащую струю.
Угадывается совершенство мира
В приподнятой тревожной тишине.
И чья-то ненавязчивая лира
Поет все время на одной струне.
Осенний вечер влажен, но не резок.
Недавно лето отошло в расход.
Приобретает лето цвет железа
И с неба льет.
Я мучаюсь своим несовершенством.
(Я не могу свернуть в рулон пространство)
Моим несостоявшимся блаженством,
Твоим непостоянством.
И, как всегда, из сказочного леса
Приходит старый бешеный колдун
И опускает черную завесу
Отпетый лгун.
Он говорит: удачливость лишь временна
Все откатилось в память и ушло.
Сознание несбывшимся беременно,
Прозрачно как стекло.

Улицетворение. Бензиново.
Скрежет, лязг, шуршание ботинок,
И на лицах каменных, резиновых
Выраженье страха. Поединок.

Каждый хочет выжить, одинаково,
Как и хочет в чем-то преуспеть,
Что-то перестроить, сделать лаковым,
Под чужую дудку спеть.

Выудить получше в море рыбку,
Сэкономить бесполезный рубль,
Вовремя всплакнуть, послать улыбку,
Подойти ко всякому двору.

Не ронять достоинства при этом
(Трудно смысл достоинства понять).
Подготовить крепко сани летом,
Чтоб зимою слаще спать.

Так в потоке уличного шествия
Носятся различные идеи.
Их носители, как заводные, бестии
Замыслами движимы быстрее.

Весенние дожди приятнее осенних,
Весенние дожди живительней, быстрее
И каждый дождь к разряду воскресений
Относишь в счет приятных новостей.

Весенняя вода срывается с разбега
И льет за воротник, приятно холодя,
И почва отмывает пудру снега
Волной дождя.

Апрель расстается со мной.
До мая рукой дотянуться можно,
Погладить его осторожно
И встать за спиной.
Любимый, единственный, мой
Апрель за запретной чертой.

Почему же у края мечты
Так пространно безмолствуешь ты?

На каком основании нас
Не заметил всевидящий глаз?

Что там в небе случилось с луной?
Это ветер пришел за тобой.

И луну-погремушку сорвал,
Сбросил звезды в межзвездный провал.

И в блестящих тисках пустоты
Остаешься надзвездная Ты.

Гуси над лаком залива
К югу летят торопливо

Пики осенние мачт
Тихих дождей плач.

Я перелистывал книги,
Вдруг приоткрыл Хиросигэ.

Мы построили дом на песке,
Но песок этот – времени слизь.
Наше счастье на волоске,
На котором держится жизнь.

Станный мир, наполняющий нас,
По утрам забирается в глаз,
Возмущает обиженный слух,
Вырываясь из рук.

Мир присутствует лишь потому,
Что и мы с тобой тоже в наличии...
И плывем в иллюзорном дыму,
В безразличии.

Человек к человеку идет
Сквозь преграды и осмос сознания...
Проникая в кого-то поет...
Может это творец мироздания.

Я выхожу в ночь.
Влажный густой мрак.
Это уже давно –
Дождь на моих губах.

Я остаюсь один
Перед лицом Твоим,
Черных Твоих картин
Движущийся дым

Мне застилает взор,
Мне прерывает речь.
Черные тени гор
Сбросили солнце с плеч.

Слово к слову не прислоняется
Никак.
Плохо станет или сломается,
Уползает, как рак.
Если любят слова друг дружку,
Не растащишь.
Неразрывны, как спирт с кружкой,
Как рубанок с теплою стружкой,
Как куриные ноги и чащи.

Не спится во влажную ночь.
Май набухает, как губка.
Сладостный, как вино,
Безжалостный, как мясорубка

Мысли и чувства вразброд,
Точно стада баранов.
Из переполненных сот
Медом текут пьяным.

Желтая ранняя зелень.
Воздух – свирепый тать.
Воздух пропитан зельем.
Зельем нельзя дышать.

«...А говорят на рубежах бои...»

Вы, может быть, считаете несчастным меня,
и я допускаю, что вы правы,но несчастны
вы – это я не то что допускаю, а знаю твердо
(Сократ)

Сократ ушел по хмурой мостовой,
Трепясь с софистами о двойственности мира,
Раскачивая крупной головой.
Апологеты слушали кумира.
Никто не думал возражать всерьез.
Афины просыпались понемногу.
Движенье, превращенное в вопрос,
Указывало путникам дорогу.
Рассказчик разворачивал сюжет,
Нить разговора извивалась змейкой
Опасною, вопрос рождал ответ
Головоломный. Отыскать лазейку,
Оторопев не успевал никто.
Старания, обычно, были тщетны.
Ожившие слова, как волокно
Вились, плелись и вскоре незаметно,
Едва касаясь душ учеников,
Текли по ним вначале безответно.
Авантюрист, античный остро слов –
Аристофан – Софокл, - как грань миров, -
Дробил их камень дуновеньем ветра.

Предеславие

Огромное, товарищи, спасибо!
Налево глянешь – «Мясо»! Или «Рыба»
Направо глянешь – тоже магазин!
И лица всенародных депутатов
(Они ж герои и лауреаты),
И крепкий лозунг – путь у всех един

Оно, конечно, если присмотреться
То директивой можно подтереться
И в переносном смысле, но в примом...
Опять, конечно, дело вкусов-взглядов,
Хотя оставим это – на потом.

ОДА ОТПУСКНИКУ

Прослышал я: чтоб мебель перевезть
Из Костромы к тебе приедет тесть
С своячницей проворной,
И будто бы для пущей простоты
Шкафами с братом поменялся ты.
Здесь веет разумом бесспорно.

Чертановская грязь не привилась.
С родными восстанавливаешь связь.
Тут снова ты на правильном пути.
И до работы, Господи, прости,
Такое расстояние почти,
Как на Сумском в сортир.

Приветствую тебя не сомневаясь.
Вороной белой заклевала зависть
И прямо в сердце, дрянь!
Могущий конь, ты мочно бьешь копытом,
Рванув вперед еще телегу быта,
И лань тебе протягивает длань.

Поднаторел ты в родственных разменах,
В формальностях увязший по колено,
Когда не на бровях,
Пытаешься ты вырваться мз плена
Стремительно, никак не постепенно,
И пусть тебя благославит Аллах!

СКАЗКА

А дело то было встарь.
Жила одна подлая тварь,
Жила себе и жила,
И даже гнездо свила.
И все у той твари было,
Ботинки были и мыло,
Тарелки были и ложки,
И стройные были ножки.
Возможно, своими ногами
Она обязана маме,
Но, вероятно, глазами
Она обязана папе,
Поэтому, между нами,
В ее обаятельной лапе...
Вы догадались сами,
А я, впрочем, я тогда
Еще на свете и не жил
И лишь подсознательно нежил
Сознание, но вода,
Как это вообще характерно,
(И если она не тверда)
Всегда утекает. Всегда –
Тоже не очень верно,
Если она эфемерна,
Тогда улетает. Да,
Так вот улетают-то дни
И я уж давно родился,
Даже однажды брился.
(Боже меня сохрани!)
Тонкой железной пластиной –
- Жизнь из-за волоска...
Далее: с этой длинной
(Я не нажил носка).
Незачем вспоминать,
Суть необычно – банальна,
Выспренно – тривиальна:
Я не любил спать.
Ясно: коль ночью не спишь
Прок совершенно обратный.
И вот не совсем аккуратный –
Шиш.

Письмо

*«Одна из сторон сексоугольника
равна квадрату членов...»
(Аксиома: Коли-Мари-Отто)*

Достойный спутник Вакха и Венеры,
Оставь свои полярные химеры,
Досужество арктических морей.
Есть неподкупность в мире постоянства,
Вот этим-то великолепно пьянство,
Но все-таки ищи путей трезвей.

Бессильный Бахус чресл не поднимает?
Но член, небось, не в воздухе порхает?
Как грубо я шучу...
Ты взмылен государевой заботой.
Нет, вижу искривился рот зевотой.
Молчу, молчу, молчу...

Там, верно, всюду пробы, протоочки,
Весь прочий мир сгустился в виде точки
И небылицей светится вдали,
Но у тебя, испытанного волка,
Есть хватка зверя, кроме чувства долга:
Ты этот Кольский все же доколи.

Что Николь-город – Римская блудница
Елозит пред тобой на ягодицах,
Как должное приемлю. Ну, еще б!
Но ты не очень доверяй данайцам
И береги, что берегут китайцы,
Не увеличить поголовья чтоб.

Ну что ж, что дождь, пускай себе дождится.
Надеждой встречи теплится столица.
А я вот-вот на юг.
Ненужное лазоревое море
И мандарины в рощицах предгорий.
Мне нужен свежий голос, нужен друг.

Ты помнишь гор армянских позолоту?!
Верхом на палке едем на работу,
Бутыль вина и шутки без конца.
Теперь другое: хмурость и сомненье,
И сальности и мысли, как поленья,
И беспросветность постного лица.

Оставлю я стенанья. Ты мужчина,
И я стараюсь (есть на то причина),
Хотя, признаться, чуть печально жить.
И не молитвой бы смягчить истому,
Не тратить слов напрасно, по-пустому,
Где надо бы фаллос употребить.

Не жизнь оно, и жизни не получится
И так давно,
А как оно случится или случится
Мне все равно.

Начальнику отряда к дню геолога

Узурпатор минералов!
Почитатель старины,
Пограничных генералов
Напугатель всей страны!

Совещанья воспаленья.
- Есть колючка в три ряда!
Эх, Норвегия тюленья,
Не страна, а ерунда.

То-то наши шири-глади,
Благодати да дела,
А германий и ванадий
Отыщи, попробуй, дядя,
Не привстав из-за стола!

Вот и колешь молоточком
Почитай, что все подряд...
Туфы, штуфы, пробы, точки,
Чтоб жена носила с дочкой
Яркий бархатный наряд.

Там, наверное, выпал снег
И засыпал полярный круг.
Грусноватый, но все же смех,
Удивленье надбровных дуг...
Где ты, джиноподобный Дух,
В одиночку стоящий двух

*«Борода от инея совершенно синяя»
(Русская всенародная загадка)*

За кругом нерусским,
За кругом пунктирным, полярным
Живет человек
С необычным, но образом мыслей,
Который на вид только кажется
Мирным пожарным,
На самом же деле кипуч и горяч
Словно «Рислинг»

В его бороде, голове,
Специальном блокноте
Содержится мудрость,
Которая миру не снилась.
Одну балерину он взглядом
Поймал на работе.
Она же любовью на это
В ответ ополчилась.

Сложилась семья, как ячейка,
Как клетка... Кирпичик...
И в ярком костре запылало
Семейное счастье.
Пришлось отказаться
От многих хороших привычек
И между собой и другим
Разрываться на части.

Причин для унынья,
По всей вероятности, нету
Чтоб мир удивить,
Надо лечь под высокой Стеною.
Зимой надо жить в ожиданьи
Полярного лета,
А летом полярным
Нормальною грезить зимою.

Обычная драма (хоть эта не очень обычна)
Творитель созданий!
Крепись, укрупняясь духовно.
Ты – есмь. Это значит –
Ты будешь и вечно и лично,
И пей понемногу, ты ж знаешь,
Что пьянство греховно.

*«На хрена она тебе...»
(Г. Плужников. Мысли вслух)*

У меня в глазах туман
У тебя мороз.
Опрокинул я стакан –
Горе разошлось

Стало на душе светлей
В животе – тепло
Ну-ка, друг, еще налей
В круглое стекло.

Раразопьюсь – да разобьюсь
Без нее не жить...
Ну-тка, Жора, да не трусь,
Только начал пить.

Не поможет, говоришь,
Да почему нам знать?
Так стаканом прозвенишь,
Что не сможешь спать.

Пьяным – плохо, лезет дурь
Разная в башку.
Понапрасну бровь не хмурь
Я тебя прошу.

Ну и что, что не моя?
Я и сам не свой.
Про далекие края
Лучше песню спой.

Про бульвар и про кефаль
Или колею.
Я опять себе в хрусталь
Водочки налью.

Минет вечер станет – ночь,
Что же нам алкать?!
Впрочем, знаешь, я не прочь...
Эх, едрена мать!

Да, далеко до дружеской страны,
Но только не для Кольки-сатаны
Встряхнул, стартуя, спелой бородою
И самолета хвост взвился трубою.
Попил вина (разводит коньяком)
Мне счастье, что знаком не с дураком.

Теперь в других краях (по доброй воле!)
Ну, что тут скажешь: непонятен Коля!
Жена и дочь в слезах под Костромой,
А муж – поди торопится домой?
Заветный камень рвет из-под земли.
Смотри: о скалы лоб не расколи.

Вблизи морей, где летом только день,
Гиперборей, стране-то на плетень
Насобирает редкоземельных трав?
Ты, как судья, великолепно прав,
Портвейном успокаивая нрав,
Который превращается в кремень!

Ваш взгляд на жизнь...
Всю жизнь за этот взгляд...
Теперь, кажись, зачем гадать назад,
Верней, вперед? .. ну, все не угадаешь.
Не карамель, а сладкая и таешь

Кол на Кольском Коля тешет миру.
Расколи меня, моя тоска!
Рвется во кирпичную квартиру
Стук колес мне уши полоскать.

Улетают поезда на Никель,
В край у края райския земли,
Где сидит природы покоритель
С бородою в золотой пыли.

Он сидит с планеты свесив ноги
И глядит в ледовый океан
Взгляд суровый неуместно строгий,
А в деснице – каменный стакан.

Остров бильярдного сукна

По острову Кию скучаю.
Девиц незамужних считаю.
Ну вот, сосчиталась одна
Русалкой с глубокого дна
А мне-то до южного моря
Дорожку, наверно, заторят.
Не буду у южных границ
Считать незамужних девиц.

Триста тысяч Тристанов и триста Изольд.
- Напряжение? Тысячу вольт.

Владивосток

А вал поднимался над нами,
Живой нарастал,
Своими слепыми руками
Хватая причал.

Свирепое красное солнце
Садилось, и мгла
Сгущалась. Над морем японцев
Повисла скала.

Высокое небо слезами
Катилось в песок.
А кровь неживыми толчками
Стучала в висок.

Ронялись последние капли
Последних речей.
Дома, как огромные цапли –
Союз кирпичей.

Бросали нелепые тени
На наши тела
И роем густых привидений
Жизнь исподволь шла.

И все нам казалось значимым,
Большим дорогим
Все то, что рассеялось дымом,
Досталось другим.

Но мир как всегда постоянен
И странно глубок.
А взгляд твой глубок, но не странен
Опять на Восток.

«...Утро армянское снится...»

Серебряное зеркало тумана
И отражение дня
На самом дне глубокого стакана
Клочком огня.
Над тишиной отдельный всплеск звучания
Отдельный стук.
Глубокое, как тишина, отчаянье
Страшно, как круг.
Глаза тараща в очертанье воздуха,
В пустой объем
Без усталости, без мысли и без роздыха
Молчанье пьем.
Приподнимаясь диафрагмой купола
На пресность дней
С уверенной ортодоксальной скукою
Глядим смелей.
Над головой навязчивые странности
Чужих речей.
Туман сошел с космической туманности
И он ничей.
Разрывов нет, но нет соединения
Есть чуткость слов.
И солнце – сумасшедшее затмение
В стране ослов.
Отчаянье ни чаем ли приносится
В крошечный свет.
Кавказ, как каменная переносица,
А носа нет.
Переставляем мысли и решения
В колонках чувств
Устраиваем юмором спасение.
Любой – Прокруст.
Усиливается утреннее месиво,
Крепчает гам.
Желтеет груша и на сером весело,
Увы, не нам.
Мы не желтеем, даже не сереет.
Мы не цветем
И лезвием тумана утро бреется
С открытым ртом.
Зевает день, начнется преступление
Переступая
Через пороги сна и тяготения,
Перерастая.
Неясность изначальности утроится,
Наступит срок.
Все станет, как положено, устроится
А холодок

Ползет и в сердце заползает таинством
Как озарение
На постаменте поднимайся свайстом
Мое мгновение.

Баренца море бьется в берег туго.
На берегу законная подруга.
Твоя подруга. В видимой печали.
Печаль украсит девушку едва ли.
Едва ли верный пес тоскливым воем
Поможет ей расправиться с тоскою
На этой почве холодом сожженной.
Ей холодно одной и обнаженной.

И думает она: - Ах почему я
Не умерла, хотя б от почечуя?!
И не избегла пагубных страсти!
А к новой жизни радостно взыскуя
Сперматозавр, проворный головоастик
И счастьем переполненный бунтует.

Но девы стон и пса натужный лай
Уже давно не слышит Николай.

В компании от спирта раскаленной
Идет шуточный разговор соленый.

- Ну, что она за нос тебя водила?
Или , поди, за бороду таскала?
Души в тебе нечаяла, небось,
А ты ее вот так возьми и брось!
Уже, наверно, локти искусала,
Что так твоим желаньям потакала.

-Вы, Золкин, хам, -
Кричит другой остряк, -
Оставили такое благолепье
На попеченье северным ветрам.
Какое воспитание вертепье!
Вам все равно дворец, вигвам, бедлам...

Но поднял тост усталый Николай,
Начав его словами: - Заливай!
Я поднимаю свой бокал
За тех, с кем я еще не спал,
За инь и ян, за ад и рай,
Все - так, но я не все сказал.

- Кто слышал композицию тоски?
- Кто понял инкрустацию печали?
- А оторопь пространства – трали-вали?!
Когда оно за створкою доски,
Из-за какой еще не возвращались.
Я вижу: здесь собрались чудаки,
Которые, возможно, начитались
Из домоводства некоторых страниц
«...как сохраниться с помощью яиц...»
Пернатые! На всех достанет: «цыц»!

Он видел деву и за сотни миль,
Ее душа его душой болела,
Но это страстнодышащее тело
Был для него лишь золотой костыль
На той дороге, коей нет предела.

Ну, Одиссей, расскажи о своей Олиаде:
Долго ли коротко с нею сражались вы в мире,
Или успели до боя согласие обрести,
Мирно доживши остатки от скудного лета?
Верно, достался тебе превосходный кусок
Белый, румяный, с чудесными многими, теми,
Разными штуками, что привлекают тебя,
Будто неясно и чем,
Хоть прекрасно ты знаешь,
Что в них за благо таится такое, что ты
Днем и кромешной ночью о них помышляешь,
Много вздыхая, когда их подолгу не видишь
Или не чувствуешь холода их под рукой.
Тою рукою, которой, обычно, без дрожи
Трогаешь ты заповедные части людей
Крепко тобою любимых, а, впрочем, и нет.
Ты здесь различий себе не чинишь и не ставишь –
Просто, что нравится то ты и хвалишь, как можешь
Мерзкую жабу, порой, наделив совершенством
Алую розу не замечая совсем,
Кажется горше полыни она и дурнее клопа
Запахом чудным, с которым все люди согласны...
Ложные мысли твои. Силы – напрасны.

1977 г.

Это письмо вам пишет
Совсем другой человек.
Он больше не ест вишен,
Разлуки глотая снег.

Обидно, что так просто
Забыть невозможно вас:
Ни вашего редкого роста,
Ни серых и хитрых глаз.

Я маюсь – короткий маятник,
Брожу, как побитый пес,
За человечьими стаями
В Москву опустивши нос.

Конечно, на южном взгорье,
Среди обожанья, славы
Забыты и ваше горе
И наши с вами забавы.

Я был жестоко опешен,
Когда прибывши сюда,
Меня словно спутал леший
В колючие провода.

И я, грызomый ревностью,
Пекомый сильнее печки
С невысохшею ненавистью
Твержу по слогам: бу-фет-чик...

Иначе, какое же может быть
Еще объясненье молчанью?
И я повторяю: Боже мой,
Закрой это все дланью.

Конечно, там пиво пенное
Хмельною течет рекой,
А вы свое тело брренное...
О Господи, Боже мой!

Скорее бы время рухнуло –
Бессмысленная стена.
И станете вы старухою.
Да только ли вы одна?!

А я молодым и пышущим
Останусь во веки веков
К другим существам пишуший
Охапки других слов.

Такой вот мрачной картиною
(Для вас, а не для меня)
Такой динамитной миною
Такая пробьется броня,

Что после вполне пожалеется,
Да поздно будет весьма –
Не вечно же будет реяться
И молодость и весна.

Ну, ладно, чего там, глупо,
Не буду больше, пока,
Съедайте порции супа,
Круглите свои бока.

Не пейте воды сырой,
Не спите на сквозняках,
А я остаюсь с собой,
Неважно, что в дураках.

Обиды больше не буду
В темном сердце таить –
Обида подстать верблюду –
Пора обрывать нить

Досужего разговора.
Уже за окном ночь,
Глубокая. Очень скоро
Я буду в районе Соч.

Я тоже залезу в море
Фигуру в воде омыть...
Короче, не будем спорить,
Кому из двоих быть.

Скорее всего – это – оба
По разным пойдем маршрутам,
К разным могилам, до гроба
Мне будет теперь не до шуток.

Но это я все смехом,
Все просто от синей тоски.
Ночь сумасшедшим мехом
Мне натирает виски.

А за окном громыхание:
Товарные, пассажирные...
Ладно, пока до свидания.
Не очень-то ты и жирная...
1977 г.

Я спрашиваю вас, который час. Потемки.
И медленно вращающийся глаз торопится
По кромке светлых масс и притяжений ломких.

Лишения съедают жизнь – решения съезда вжик!
На нашей грядке – все в порядке!

Неопробованное пространство – обманувшее постоянство
Ненадломленная душа – надрывается не спеша

Май, недоволен вами – месяц с семью ветрами
Пятница каждый день – тень на погожий плетень
Не зацветает пень – лень.

Мне нужен покой и тревога, что он пропадет,
А я по казенной дороге личный несу живот
Руки устали, как ноги, и перестарался рот
Боги меня не услышат никто из них не живет
Под шизофреничное шиферной крышей –
Подарок народу от...

И дьявол Ему заявление пишет:
Прошу разрешить уничтожить народ,
Который все видит и слышит и
Тем не менее жрет.
Сущие мыши.
Кот.

Но будь спокоен, Каунтея, эти укусы должен ты воспринять,
как проявление Кармы.
Кровь не убудет в тебе нисколько, если ничтожный тот насекомый
длинно укусит тебя.
Зуд возбudit он, конечно, и неприятно, премудрый.
Что же еще сотворить может столь малым рожденный.
Странно еще, что и зуд-то в членах твоих
малость такая своим хоботком возбуждает.
Мысленно дальше прострись и не тшись оглянуться
в бездну, которую скрыла прошлого ночь.
Ночь та прошла, наступает безбрежное утро.
Солнце еще не взошло, но порозовой пене, взбитой, как сливки,
на самом восточном краю,
где горизонт утыкается круто и прямо в сизую землю,
можно уже догадаться, что скоро разыграет сказочный луч
на зрачке удивленном твоём.
Все распадается, в части затем превращаясь:
так у красавицы видишь то шею, то ноги, вовсе забыв, что единство
дороже, чем часть.
Пусть совершенство у части сверкает алмазом, но не затмит же оно
непомерных изъянов
прочих частей несуразных в своем проявлении.
Если и есть что действительно ценное в мире –
это пока непроявленный и невозмущенный образ извечный,
стоящий пред мысленным взором
каждого, кто хоть к чему-то стремится высшему, в высшие сферы
из жизни земной,
полной сует неоправданных, несовершенных в праздности страшной своей,
но ведь праздность – не праздник.
Вот и забила душа в самую глушь, в самую гущу болот и трясин
непролазных.
Зыбко стоять и качается все под тобой.
Прямо гляди и не вздрагивай, о Каунтея!

ТАК ЗАКАНЧИВАЕТСЯ УЧЕНИЕ ОБ ОТНОШЕНИИ К УКУСАМ КОМАРОВ.

- Кришна, а где же Вишну?
- Он во мне.
- Кришна, а где же Шива?
- Он во мне.
- Кто не в тебе, Гуру?
- Я – вне себя, глупый!

Жили-были дед с одной старухой
Ровно тридцать дней.
В животах урчит и в горле сухо:
Нет рыбешки в западне сетей.

То ли рыбку чем-то заморили,
То ли дед сноровку потерял...
Из крапивы щи они варили
Да моллюски старый собирал.

Гребешка найдет или роепанга,
Реже из-под камня краба схватит
Или что-нибудь такого ж ранага.
В общем так глядишь и на день хватит.

Но однажды вышел дальше в море,
Невод аккуратней разложил,
Зашвырнул его, себе на горе,
Золотую рыбку изловил.

Рыбочка, понятно, извивалась:
То да се, куплю тебе машину,
Только отпусти, имея жалость
В милую прохладную пучину.

Видит дед, что рыба человеческим
Языком как будто диктор шпарит,
Как бы тут не сделалось увечья –
Он ее – потом его изжарят.

Извинился, был старик культурный,
Рыбу – в море, лодку – к берегам,
Побежал к избенке, даже дурно
Сделалось ему, но он к ногам

Повалился молодой старухи
И давай травить про этот случай.
Та, проведав дивостные слухи,
Побежала, чтоб бросаться с кручи.

- Что ж ты простофиля-дурачина?!
Хочется от злости утопиться!
Старый пень, ненужная дубина!
Надо же такому приключиться?!

Ни гроша, как видишь, за душою
Месяц наш медовый на исходе,
Чтоб тебе с твоею золорою

Рыбкою да не видать покою...
И так дальше и в таком же роде.

Сразу после этих разговоров
Взял старик тротилловую шашку
И беззвучно, избегая споров,
Двинулся, надвинувши фуражку.

Подошел к кипучу синю морю,
Взял бикфордов шнур, его приладил,
Заклинанье прочитал он, вторя
Бормотанью берега и моря...
Столп воды поднялся с водной глади,

Столп огня вознесся над водою,
Много рыбы вспло оглушенной,
Но не видно с редкой чешуею,
Ничего не случилось с золлотою
Рыбыицею в глубине зеленой.

Испытавши этот верный способ,
Не добившись от него удачи,
На колени старый, в землю носом
Бухнулся и лишь чуть-чуть не плачет:

«Извела меня моя старуха,
голосит, а глаз на море косит, -
золотую серьгу хочет в ухо
и ходить пешком не переносит».

Заиграло море, зашумело.
Появилась рыбка над водою.
Засверкало золотое тело,
Взвившись над высокою волною.

«Ты, старик, не плачь и не кручинься,
дело плево: золото, машина...
Сделаю. Посторонись, подвинься...
Вот еще и запасная шина».

Ну, старик стремительным домкратом
Подкатил к избенке лимузиня.
Вышел из него аристократом,
Подошел к старухе, демократом
Сделался и говорит: «Вози

Пышных форм утраченную стройность,
Незачем теперь тебе ходить».
И хотел добавить непристойность,
Но не стал бывшее ворошить.

А старуха в слезы: «Старый черт,
Я ли для тебя не молодая?!
Сам ты – весь лишайник так истерт,
Что детей, чудовище, пугаешь.

Воротись немедленно к своей
Земноводной человеко-рыбе
И проси, плешивый соловей,
Молодости жenuшке своей,
Хоть лет пять, но непременно выбей.

Или я сейчас в петлю опять
Влезу шеей благородной, белой.
И посмотришь после, как свисать
Белое немислемое тело...»
Продолжала баба причитать.

Ясно дело – нервы не железо.
Снова к морю, к пенным берегам
Двинулся старик, чтобы не резал
Ухо бабий неумный гам.

Потемнело море, заходило,
Засверкали молнии над ним.
Тучи наподобье крокодилов
Собирали рягостную силу,
Разрешаясь бременем своим.

Долго рыбку звал рыбак в испуге,
Долго на поверхности следил
Всплеск воды. Но появились дуги
Радужные. Голос говорил.

(Это был уже знакомый глас).
«Что ты хочешь, дорогой, я знаю:
Это для волос, для рук, для глаз.
Это брови, это крем «Алмаз»...
Смажется и станет краше маю».

И опять потоком благодарным
Бесполезных слов на рыбку вылив
Мыслей неразумных и угарных –
Страсти по старухе не остыли –
Котелок, умчался, как пожарный.

У старухи засверкали слезы
Счастья на восторженных глазах.
Парфюмерный сон, сплошные грезы,
Лак «Восторг» на бабких ногтях!

Выкрасив себя, как кинодива,
Вырядившись в чудо-матерьял,
Посмотрела в зеркала – красиво.
«Что ты стал тут, словно мерин сивый?
Аль ворот, барашек, не видал?»

Полно жить, старик, на этом берегу,
Я хочу прописку, чтоб в Москве.
Здесь оставим дачу. Слышишь, пегий,
Есть ли мысли в бывшей голове?

Чтобы там у нас была квартира.
Я – доцент и кандидат наук,
А вокруг – друзья, а с ними лира
Прославляет совершенство мира,
Мира братских круговых порук».

Попытался дедка возразить:
«Ты ж у нас всего лишь с восьмилеткой,
В столбик не умеешь разделить,
Да и память стала крайне ветхой».

Тут старуха: «Ах, ты, дуралей!
Кто просил тебя меня итожить?
Сколько классов, правило дробей!
К рыбке, негодяй, хоть лоб разбей!
Профессура мне, нашелся тоже...»

Пострадал немножечко старик
И назад на море повернулся.
Ветер стал стеной, и моря рык
Яростный, и горизонт свернулся.

Хлещет дождь и градины летят.
Повернуть назад хотел влюбленный,
Но как вспомнит он словесный ад,
Как слова мозги ему дробят –
Двигается вперед определенно.

Пять часов на берегу морском
Глотку рвал рыбак средь непогоды.
Наконец угомонился гром,
Приутихли каверзные воды.

Рыбий глаз из синевы морской
Выставил зрачок на человека.
Снова рыбка: «Деда, бог с тобой,
Ты опять, гляжу, никак смурной».
Ей старик с поклоном: «Не до смеха...»

Спятила жена, не хочет жить
Здесь на море. Нужен дом в столице...
Кандидатом, лекций воду лить...
Говорит, мол, нечего срамиться».

Долго рыбка хвостиком виляла,
Долго мысль цедила через жабры,
Наконец чего-то просияла,
Вспомнила и старику сказала:
«Будет кафедра для вашей бабы.

Это дело, точно, не без риска.
Ну, да ладно, что там, облпрошим.
Говоришь, московская прописка?
Хоть на солнце – были б тоглько гроши...»

Вот проходит несколько недель,
И старик с красавицей женою
В ресторане попивает эль,
Перед ним на цырлах метрдотель
Мечется и хвост поднял трубою.

Днем, обычно, баба в институт
Входит недвусмысленной походкой
И читает лекции про труд:
Будто бы его не сменишь водкой.

И старик работу подыскал:
В магазине «Неживая рыба»
Виден был зубов его оскал
И халата голубой крахмал,
Взгляд всегда наметанный на прибыль.

Но однажды кто-то позвонил.
Голос в трубке: «Узнаете, старче!?
Ваш черед спасать меня. Тротил
Вспомните...» И сразу стало жарче
Старику, он что-то проскулил.

В общем, без далеких околесиц,
Без проверки, сверки, разговоров,
Без коррупций, слез, без темных лестниц
Обойдемся. Вскоре с прокурором

Повстречался рыболов-любитель,
Нес какой-то бред про рыбу-чудо,
Будто бы умевшей говорити
И о том, что старая – Иуда.
Прокурор все выслушал серьезно,
Все, что пел старухин добродетель.

К сожаленью, было слишком поздно...
Бабка выступала как свидетель.

1976 г.

А ты, стоящий под крыльями дворца,
Как понтийский Пилат высокомерен
С жалкой улыбкой на маске лица,
Открыватель давно открытых Америк.

Получил старость письмом в конверте.
Чужие смерти страшней своей?!
А после смерти в аду черти,
О, бесконечные толпы чертей.

Помоги мне (хелр ми, май френд)
Неужели все, неужели энд!
И это пространство – дикий воздух
И эти флаги (разные звезды)
И мы разорваны пустотой.
Не может быть, стой...
Я и стою, слезы текут
По щекам, ничего хорошего,
Но по-ихнему: вери гуд!
И то – правда, могло быть и плоше.

Отскакивает пламя от дороги и за ремень судьбы схватился тот, кто, развернув расставленные ноги, переживает собственный живот. Перестановка судеб, перетасовка мыслей, будет ли суд, не будет, мне все равно не весело, так как мои пространства тонут в мякине слова, а настоящий голос там, где нет слов, но звуки льются с глубоким смыслом через крутые всплески странных чужих решений, через прямые блески чередования пятен светлых с большим пространством лопнувшего пролога. Как чудовищно скучно смотреть в неразрешимые трудовые будни. Будни – блудни, трудни в предпраздничный

О неполноценнейшая! Но чаша моего сердца переполнилась терпением!

Где еще мне хранить его!?

Выплеснуть, выплеснуть в ваши усталые уши ушат моего неблагополучия.

Куда я могу повернуть фелюгу моей судьбы?

Какой попутный ветер принесет мне весть о сбывшемся?

Где оно – это сбывшееся?

Сбывается в других незасиженных палестинах или уже летит на крыльях неосуществившегося с первыми майскими грезами?

В такие радостные дни, когда все вокруг добивается эффективно высшего качества, когда даже листочек, невзирая на погоду, хочет пробиться из почки хоть на один день раньше срока, меня обвиняют.

О лжесвидетельство, которому нет конца!

Когда же явятся те, кто действительно что-то видел и из уст их польются слова сообразные духу нашего совершенного времени.

Паузы, периоды, цезуры. Провал не заполнит провала. Пустота не наполнится пустотой, и солнце в один прекрасный день со смехом взойдет на противоположном конце горизонта.

Глаза мои слипаются от слез и сахара. Сладко, сладко!

Крики на похоронной тризне. У кого? Нет. Нет. Сумвшедшие белки вращаются на центрифугах нервов и не обрываются. Голод счастья заполняет пространство проникаясь его вочеловечиванием, но материя заменяет все. Все соткано.

Общепародное абстрактно и под уверенной поступью с ее железным скоком гибнут муравьи не дотавив соломинки мирской до храма будущих завоеваний. Скучная история в скучное время.

Обесподлите свершающееся.

Торжество гуманизма нанижет наши сердца на шампур любви и изжарит в костре общих задач.

С приветливым завоеванным непониманием. Заранее скорблю. Участник.